

Мээлик КАТТАГО

КОНЦЕПЦИЯ НЕГВЕСИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

I

Одним из важнейших составных диалектического метода является принцип противоречия. Полагается, что он раскрывает источник движения мира. «Противоречие-источник» основывается на традиционном миропонимании, согласно которому мир расположен как бы на «горизонтальной плоскости». «Горизонтальность» же требует приводящей в движение явной силы. Последняя может размещаться либо вне мира как некий внешний агент: перводвигатель, божество и т. п.; либо в самом мире: атомы, монады, воля. И в данном случае — противоречие.

Суть концепции негвесия¹ в отходе от традиционного миропредставления. «Горизонтальная плоскость» заменяется «наклонной». Мир как бы «сползает» с нее «сам по себе», от собственной «тяжести». Подобное понимание распространяется и на любое нечто, ибо любое нечто есть мир.

Если теперь отбросить эти «плоскости» — подмогу понимания, то мы получим некий «сползающий с самого себя», «самосползающий» мир. «Тяжесть» мира, любого нечто, в его бытии, это потенциал по отношению к небытию — негвесие.

Негвесие не очередной «источник движения», это иное миропредставление, вообще не нуждающееся в «источниках движения». Это объяснение самодвижения мира.

Бытие асимметрично. Существование предполагает выделение, выступление, отличие... Сущующее нечто — это «бугорок» на фоне беспотенциального несуществования, это потенциал. Бытие включает в себе напряжение, «неудобство», мýку — т. е. негвесие; а вместе с тем и стремление сбросить это «неудобство», освободиться от мýки. Единственный путь к этому — движение. Движение есть «спасение».

Ничто не может существовать, не будучи негвесным, а негвесное не может не двигаться.

Негвесие основывается на фундаментальной асимметричности бытия. Это неравновесие вообще, это выделение, отклонение, разность, разница... Это напряжение, заряженность, страдание, стремление, мýка материи — ее атрибут, фундаментальное свойство. Это само существование, бытие. Это активность мира. Это корень всякого движения, перемещения, изменения, превращения...

Негвесие проявляется как некий потенциал. Как механическое, физическое, химическое... неравновесие. Как разница температур и давлений. Как электрическое, магнетическое, гравитационное напряжение. Как биологическое, физиологическое, психическое неравновесие — нужда. Как способность, потребность человека и общества.

Негвесие не сводимо к отдельным формам его проявления, оно — их обобщение. Негвесие вообще.

Негвесие не только побуждение движения, не только внутренний «двигатель», но и «топливо» для этого «двигателя». Движение «сжигает» негвесие..., сжигая тем самым и само бытие. Избавление от негве-

¹ Подробнее о концепции негвесия см.: Каттаго М. Трактат об источнике самодвижения. (Концепция негвесия.) // Радуга (Таллинн), 1988, № 1—5.

сия есть избавление от самого себя — деградация. Это парадокс бытия: быть, существовать — «неудобно», «мучительно»; «удобно» небыть, несуществовать; но тогда не будет того, чему было бы удобно, следовательно, не будет и «удобства». Имеется только бытие и «неудобство», «страдание», бег от «страдания», от бытия, бег в никуда. Ибо нет спасения, есть только стремление к спасению, движение...

Подобно тому, как движение нельзя понять без относительного покоя и изменение без сохранения, неравновесие нельзя понять без равновесия, и негвесие без его противоположности — эквесия. Если с негвесной стороны мир представляется асимметричным, напряженным, мучительным, непостоянным... мир как потенциал, процесс, движение..., то с эквесной стороны это — покой и постоянство.

Эквесие — консервативная сторона мира. Оно представляется прежде всего как форма сохранения негвесия как такового. В этом смысле оно схоже с обобщенным «подвижным равновесием» Александра Александровича Богданова: за кажущейся устойчивостью форм скрывается подвижное равновесие противоположных процессов, например, ассимиляции и дезассимиляции².

Негвесие не может «висеть в воздухе». Оно, как содержание, требует формы. Убывание негвесия фиксируется в некоем постоянстве. Только постоянное изменяется и, наоборот, только в изменении — постоянство. Негвесие предполагает и отрицает эквесие, отрицая и предполагая тем самым и самого себя. Это взаимоисключающие и взаимопологающие стороны единого мира. Мир есть их взаимодополняемое единство, синтез, единство изменения и сохранения, содержания и формы. Негвесие эквесно и эквесие негвесно.

Негвесный мир пробирается как бы через эквесное самого себя. «Борьба» мира с самим собой, за самого себя и за счет самого себя... «Борьба» определяет длительность мира как процесса. Это время бытия мира. Без эквесия мир походил бы на «короткое замыкание». Эквесие — это сопротивление в цепи негвесия, это «лампочка», горящая за счет негвесия. Мир как бы консервируется в эквесиях. Эквесность обуславливает его дифференциацию, негвесное разнообразие.

Эквесие как консервативная форма сохранения есть некое внутреннее равновесие, устойчивость. В этом смысле мы можем его уточнить как внутреннее, т.е. эндоэквесие. Это рассмотрение мира, любого нечто со стороны его устойчивости, сохранения, сопротивления...

С другой стороны, как мы видели, существование, бытие нечто наделяет его потенциалом по отношению к небытию. С этой точки зрения нечто есть экзонегвесие.

Это — рассмотрение одного и того же с двух сторон. Нечто не может существовать, не будучи одновременно и эндоэквесным и экзонегвесным. Оно не может ни сохраняться, ни изменяться. Диалектика эндоэквесия и экзонегвесия есть диалектика формы и содержания, сохранения и изменения.

Но эквесие можно понимать и иначе — как безразличный предел всяких изменений. По отношению к нечто это его экзоэквесие, конечный результат всех частных превращений — небытие. Кажется, будто все существующее стремится к экзоэквесию, к максимуму энтропии. Будто нечто «предпочитает» всем своим состояниям наиболее вероятное, т.е. наиболее близкое к небытию. Будто бытие стремится к небытию... Но такое понимание требует идеализации. Ибо экзоэквесие, небытие нечто не синхронно с его бытием. Есть только асимметрич-

² См.: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Берлин—Петербург — М., 1922, 159 и др.

ное бытие и бег от бытия, т.е. — не «стремление к...», а «стремление от...», если так можно выразиться — «отстремление». Только такое понимание раскрывает в у т р е н н ю ю активность нечто, всего мира. Его не влечет, не притягивает некий внешний аттрактор. Нечто отталкивается от наличного самого себя. Ибо он невесен, сам себе неудобен, «противен». То есть можно говорить не об аттракторе, а, если продолжить взаимодействие с английского (вернее, с международного научного), о р е п у л ь с о р е (attractive-repulsive). Мир не притягивается к максимуму энтропии, он не «предпочитает» некие свои состояния, а отталкивается от наличного, невесного состояния. Источник движения не в мнимых «предпочтениях», а в наличной невесности. Самоотталкивающееся нечто невольно приходит к максимуму энтропии, к экзозквесию, нейтральному пределу всех изменений. То есть, бытие приходит к небытию независимо от небытия.

Произвольное изменение нечто есть его перемещение в сторону небытия, однако последнее остается недостижимым пределом. Ибо как только нечто достигает небытия, оно перестает существовать, т.е. не будет того, чего бы не было... Предел, экзозквесье, не имеет для нечто никакого значения, ибо по его достижении не будет самого нечто.

Небытие всегда одинаково. Одинаково нет яблока и нет звезды, хотя они есть по-разному. Все многообразие мира необходимо приходит к одному. Пределом всех частных форм невесия является тождественное в своем небытии — экзозквесье. Но как именно то или иное нечто достигает его — дело случая. Необходимость определяет направление, случай — путь следования.

Нечто гонимо самим собой... его мұка в его существовании... спасение в небытии, а небытия нет... В этих рассуждениях замыкаются Макрокосм и Микрокосм, Мир и Человек.

Хотя Мир существует объективно, независимо от Человека, для Человека он имеет значение лишь постольку, поскольку он, Человек, существует в этом Мире. Все окружающее рождается для Человека, с рождением самого Человека и умирает вместе с ним. Вернее, для Человека умирает только Мир, а не он сам, он сам для себя самого вечен. Для Человека нет собственного рождения и собственной смерти. Есть лишь чужая смерть. Для него нет «себя» еще не родившегося и «себя» уже умершего. Собственный труп для Человека — ничто. Одно переходит в другое только для других. Для Человека есть лишь бытие — жизнь и мұка, «стремление от...», поиски мнимого блаженства... Ибо блаженство Человека в собственном небытии, а собственного небытия для Человека нет... Бег в никуда...

При допущении некоего антропоморфизма подобные рассуждения можно перенести на любое нечто. *Ex nihilo nihil fit* верно только для внешнего наблюдателя... А кто мог бы быть таковым по отношению к Миру?

Человек и Мир — вечные странники. Ибо ни для того, ни для другого нет своего небытия, они субъективно вечны... Такое понимание снимает вопрос о конечности или бесконечности Мира как процесса. Все, что было до Большого Взрыва, есть для Мира ничто... Мир движется от бесконечно большого невесия к бесконечно малому. Мы же способны охватить лишь отрезок этого процесса, любое знание о нем конечно. Более того, вообще все конечно... но конечность бесконечна... Далее, для бесконечно конечного отрезка некоего бесконечного процесса не имеет никакого значения бесконечность самого этого процесса. А раз мы находимся внутри этого отрезка, раз мы внутренние наблюдатели, то для нас и для наших рассуждений о Мире не имеет значения его бесконечность. Ибо мы можем знать только «наш отрезок», конечное о бесконечном, и судить о Мире можем лишь как о «Нашем Мире»: «Наш

Мир» — направленный процесс, его движение есть совокупный переход в сторону убывающего негвесия, нисхождение, движение за счет самодеградации, самотрансформации...

*

Бытие, существование любой системы есть отклонение от небытия — экзоеквесия. Поэтому всякая система является неким экзонегвесием, она заключает в себе внутреннюю активность, потенциал, возможность и необходимость самодвижения. С другой стороны, бытие системы предполагает и ее сохранение, консерватизм формы. То есть система не может существовать, не будучи одновременно и эндоэквесием. Это фундаментальнейшие стороны любой системы.

Окружающий нас мир состоит в основном из «простых» систем. Из-за низкого экзонегвесия они относительно устойчивы. Эндоэквесие таких систем наиболее жесткое, поэтому их экзонегвесие не может сохраниться и хронически уменьшается. Система монотонно деградирует.

Резко выделяются жесткие диссипативные системы³. Они имеют высокое экзонегвесие, что достигается и поддерживается за счет деградации среды — иных, неактуальных экзонегвесий. Такие системы менее устойчивы, их существование полностью зависит от подачи питания и отвода отходов. Они как бы пронизаны потоком иного экзонегвесия. При прекращении потока система либо исчезает, либо превращается в систему первого вида. Диссипативные системы, рассеивая энергию и вещество, приводят к более быстрой совокупной деградации.

От диссипативных систем получают начало противознтропийные процессы. Оказывается, что, переходя определенную черту, негвесие превращается из неизменного деградатора в «чудного творца». Оно — первоисточник образования порядка из беспорядка, сложного из простого, источник развития и самоорганизации.

Бельгийскому ученому И. Пригожину удалось доказать, что на фоне совокупного движения сильно неравновесных систем в сторону роста энтропии могут возникнуть упорядоченные подсистемы, в которых наблюдается локальное уменьшение энтропии. Сказанное иллюстрируется многими примерами: рождение вихрей (макроскопическое упорядоченное движение молекул) при нагревании воды, «ячейки Бенара», возникновение упорядоченного состояния в лазере, реакция Белоусова—Жаботинского и др. Примечательно, что «локальный рост негэнтропии возникает «сам собою» в том смысле, что для этого не требуется какого-либо дополнительного устройства, ничего не надо специально организовывать. В то же время этот рост возникает не «сам собой» в том смысле, что предварительно должно иметься неравновесное состояние или же его необходимо создать...»⁴.

Теорией Пригожина снят вопрос парадоксальности эволюции и роста энтропии. Образование высокоэкзонегвесных, диссипативных систем, их существование и развитие происходят за счет ускорения совокупной деградации. При этом «демиургом» мира, согласно нашей обобщенной терминологии, оказывается сильное негвесие. Это источник самоорганизации, приводящий и к возникновению жизни. Последнее знаменуется появлением биологических, принципиально новых — действительно-диссипативных систем. Их существование также обусловлено

³ В механике термин «диссипативная система» означает динамическую систему, в которой механическая энергия при движении переходит в тепло и рассеивается. «Диссипативная структура» Пригожина (см.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986, 54—56) также рассеивает энергию (и вещество), сохраняя за счет этого свою структуру. В настоящей работе понятие «жесткая диссипативная система» ближе к пригожинскому пониманию, однако для увязки текста слово «структура» заменено «системой».

⁴ Ребане К. Энергия, энтропия, среда обитания. Таллинн, 1984, 27.

потоком иного экзонегвесия. Однако эндозквесие этих систем имеет гибкий характер. Уменьшение или временное прекращение потока питания не ведет к быстрому спаду экзонегвесия системы. Оно сохраняется как бы по инерции. При этом нарушается, вернее, «прогибается» эндозквесие. Возникает внутреннее напряжение организма, состояние нужды — эндонегвесие. Это как бы «впадина» на «бугорке» бытия, вогнутость вовнутрь, в сторону небытия. Здесь скрыт источник действенности, намеренного движения живых систем.

Действенно-диссипативные системы способны использовать свое собственное экзонегвесие, как способность, потенциал, для обнаружения и извлечения источников питания, иных экзонегвесий, полезностей. С их потреблением, т. е. с намеренным переносом экзонегвесий система восстанавливает свое эндозквесие, сохраняя тем самым и свое экзонегвесие. Окружающий мир оценивается системой с точки зрения своего эндонегвесия, нужды. Это — избирательное отражение среды.

Человека можно определить как преобразующе-действенную диссипативную систему. Его способности, в самом широком смысле, суммируются в экзонегвесии, а потребности — в эндонегвесии. Это существенные стороны человека. Они, как негвесия, делают движение человека возможным и необходимым, определяют его во всех отношениях.

Человек не только потребляет наличные иные экзонегвесия, но и способен приводить их в более подходящую для устранения эндонегвесия (потребности) форму, используя при этом не только свое собственное, но и иные экзонегвесия. То есть с помощью одних экзонегвесий подготавливаются другие. Происходит промежуточное, инструментальное потребление экзонегвесий, используется их потенциал, способность совершить работу.

Приведенный пересказ известных положений необходим для разработки и разъяснения терминологического аппарата концепции негвесия. Повторим еще раз ее основные положения:

- негвесие — источник всякого движения;
- сильное негвесие — источник самоорганизации и развития;
- экзозквесие — небытие системы, предел ее изменений;
- экзонегвесие — бытие системы, потенциал, способность;
- эндозквесие — внутреннее структурное равновесие системы, ее сохранение, устойчивость, сопротивление деградации;
- эндонегвесие — отклонение от эндозквесия при сохранении экзонегвесия: возникает у действенных систем как биологическое неравновесие, нужда; у человека — потребность.

Кроме приведенных понятий, использовалось еще и словосочетание — «иное экзонегвесие». Под ним понимался потенциал иных, неактуальных систем, их способность «работать» для поддержания высокого экзонегвесия актуальных диссипативных систем. С точки зрения эндонегвесной системы, это — полезности.

«Простые» системы как бы пассивно-активные. Их активность влияет в самодеградацию. Действенные же системы — активно-активные. Их активность двояка: во-первых, они также, как и «простые» системы, — самодеградирующие; во-вторых, они активно сопротивляются этой самодеградации. Поскольку любая действенная система состоит из элементов как «простых» подсистем — она есть совокупность «простого». В то же время соответствующее соединение «простого» дает системе новые качества — диссипативность (качественно и количественно более высокий уровень экзонегвесия) и действенность (способность самостоятельно находить возможности сохранения этого уровня). И поэтому система одновременно и «простая», и действенно-диссипативная; и пассивно-активная, и активно-активная. Она одновременно

деградирует и активно этому сопротивляется, деградируя сама иные системы. «Сопротивляются» и «простые» системы, но это сопротивление иного рода — пассивное сопротивление устойчивостью, жестким эндоеквесием. Что касается сопротивления жестких диссипативных систем, то оно слабо и не уходит дальше от относительно кратковременной инерции. Однако с этого начинается эволюция действенно-диссипативных систем. Она становится возможной благодаря смягчению эндоеквесия, которое постепенно приобретает все более гибкий характер — жесткое деградирует, гибкое развивается. Появляется возможность возникновения эндонегвесия и вместе с тем качественно иной активности — действенности, активной активности. Важную роль играют здесь инерция и наличие легкодоступных альтернативных источников питания. Далее, эндонегвесие как источник действенности приводит и к преобразующе-действенности.

Итак — природа внутренне активна, активна вся и во всем. Однако активность эта двойка: источник первой активности — экзонегвесие, источник второй — эндонегвесие. Вытекающее из первой самодвижение систем есть их деградация, конкретизирующаяся при действенных системах в катаболизме. Из второй вытекает действенность живого, которая направлена на обеспечение анаболизма. При этом системой может быть использована своя собственная активность в первом смысле, а преобразующе-действенными системами — и активность иных систем. Из сказанного вытекает, что причиной активности вообще, источником любого движения и изменения является негвесие, вернее, негвесность мира.

Не будем подробно рассматривать воздействие внешних факторов на системы. Очевидно, что в большинстве своем они способствуют внутренней деградации. Системы подвергаются как бы двойному деградирующему давлению. Но, как мы видели выше, некоторые из них способны «плыть и против течения», отталкиваясь при этом от самого течения. Речь идет о действенных системах. Их противодеградационное движение происходит за счет ускорения совокупной деградации. То есть — экзонегвесие переносят из малоактуальной области (с точки зрения действенной системы) в актуальную и быстро там деградируют, предотвращая тем самым деградацию актуального экзонегвесия. При этом и тем самым действенные системы стараются всячески закрепить и преумножить свое экзонегвесие. В этом состоит онтогенез, филогенез и эволюция в целом. Происходит развитие в узком и широком смысле. Критерием тому служит количественное, а главное, качественное повышение уровня экзонегвесия, его устойчивости. Это означает повышение потенциала системы, ее способности наилучшим образом обеспечить ликвидацию эндонегвесия. Но повышение устойчивости есть в то же время и понижение устойчивости. Первое требует специализации, а это ведет к все большей зависимости. Во-вторых, повышение уровня экзонегвесия само по себе означает, что его все с большей силой тянут назад, к экзоеквесию, небытию. А, в-третьих, повышение экзоеквесия требует все более интенсивного использования источников питания, что ведет к их быстрому истощению. Получается, что бег от деградации есть в то же время и бег к деградации. Развитие, противоположное деградации, вытекает из деградации и способствует деградации. Его главные этапы следующие: сильное негвесие → 1. диссипативные системы = ускорение совокупной деградации → 2. действенно-диссипативные системы, жизнь = быстрое ускорение совокупной деградации → 3. преобразующе-действенные диссипативные системы, сознание = более быстрое ускорение

→
совокупной деградации → убывание всеобщего негвесия. При рассмотрении общего пути эволюции мы упустили цепочки диссипативных

систем, дабы не загромождать схему. Дело в том, что отработанный поток отходов диссипативных систем первичных порядков может быть сам сильно негвесным и на нем могут возникнуть диссипативные системы вторичных и больших порядков. Притом каждое возникновение диссипативной системы есть развитие. В нашей схеме мы взяли за исходное излучение Солнца, это само, однако, является отходом диссипации.

При рассмотрении развития необходимо особо подчеркнуть, что здесь, как и при самодвижении, определяющим является внутреннее. Притом внутреннее как содержание оказывается ведущим двояко: во-первых, противодействуют содержание, эндонегвесие (нужда, потребность) действенной системы и содержание, экзонегвесие (полезность) иных систем, среды. То есть противодействуют содержания, негвесия — ведущей стороной развития оказывается внутреннее в широком смысле. Во-вторых, отношения содержаний диктуются прежде всего эндо-экзонегвесием самой развивающейся системы, ее внутренним, внутренним в узком смысле. И поэтому развитие ведомо дважды внутренним. Кроме того, развитие есть прежде всего развитие актуального экзонегвесия, способностей системы — т.е. опять-таки внутреннего. Отсюда вытекает важное положение — развитие вообще, развитие каждой отдельной системы есть всегда саморазвитие. Однако какие именно системы возникают и как они развиваются, определяется средой. «Скажите мне, какова среда, и я скажу вам — каковы там системы!»

Однако из тезиса «саморазвитие!» вовсе не следует, что развитие есть некое «чудо». Оно не берется с «неба», а с лихвой оплачивается значительным ускорением совокупной деградации. В конечном счете восхождение вытекает из нисхождения и ведет к нисхождению. Поэтому мы не можем говорить о «всеобщем развитии» — есть всеобщая деградация с очагами развития, т.е. — океан нисхождения с вихрями восхождения.

II

Концепция негвесия углубляет материалистическо-диалектическое понимание самодвижения. Она ломает господствующий в советской философии по сей день культ противоречия как источника движения. По сути противоречие не является источником движения даже у самого Гегеля, на которого «противоречники» часто ссылаются. Оно всего лишь операциональный предикат всемогущего пантеистического абсолюта. Последнее, в отличие от неподвижной субстанции Спинозы, есть субстанция-процесс, самодвижение. Мотивом является некая внутренняя потребность абсолюта к самопознанию, стремление найти себя в себе, возвратиться к себе, стать для себя тем, что он есть в себе. Вся философия Гегеля собственно и есть отображение этого самопознания, развертывания, т.е. движения абсолюта. Оно проходит от тождества, через различие и противоположность к противоречию и к преодолению последнего. Примечательно, что движение абсолюта происходит и до противоречия. То есть — не противоречие движет абсолютом, а абсолют движется через противоречие. Движение, развертывание абсолюта — «это его собственное действие, и притом такое, которое так же начинается с него, как и приходит к нему»⁵. Противоречие же — один из этапов, характеристик самодвижения абсолюта. Оно не объясняет «почему идет движение», а показывает «как идет движение».

Интересно отметить, что абсолют Гегеля движим потребностью (и способностью) самопознания. То есть с точки зрения концепции негвесия абсолют движим негвесием! Однако потребность и способность

⁵ Гегель. Наука логики, 2, М., 1971, 176.

не вытекают у Гегеля из негвесного положения абсолюта, а присвоены ему произвольно.

Из общего контекста философии самодвижущегося пантеистического абсолюта выпадают некоторые высказывания Гегеля о противоречии как о «корне всякого движения и жизненности»⁶. Этому не следует удивляться. Исследователи Гегеля находят в его работах и более существенные противоречия. Однако именно из этих высказываний вырастает самое распространенное направление решений проблемы источника движения в материалистической диалектике. Это очень удобно, ибо здесь противоречие оторвано от своего основания, абсолюта, и «деидеализация» диалектики как бы уже начата самим Гегелем.

В книгах по материалистической диалектике мы читаем, что противоречие, как взаимодействие взаимополагающих и взаимоисключающих противоположностей, является источником всякого движения, изменения и развития⁷. Это постулат. Он не подлежит обсуждению. Сопровождающий его текст обычно ограничивается подведением «доказательств» и цитат. А если кто и захочет разобраться в сути дела, то очень скоро запутается во множестве неувязок: что такое «взаимодействие противоположностей»? Если это движение, то движение порождает движение... а что порождает движение? Почему некоторые противоречия порождают движение, некоторые развитие, а некоторые вообще ничего? Чем определяется направление движения? Что ведет к раздвоению единого? Откуда противоречие, что толкает к нему? Откуда сила к его преодолению? За счет чего идет движение, чем оно оплачивается? Как совмещаются противоположности в пространстве и во времени? Почему вообще «все противоречиво»? и т. д. Для увязки концепции требуется сложная система классификации, условностей и правил поведения противоречия. Этому посвящено множество монографий. А если этого все же недостаточно... тогда придется просто признать, что «не понимаем диалектики», и подчиниться слепому постулированию, соглашаясь тем самым с очерченным сотворением «мистической непознаваемой силы».

Более состоятельна позиция группы Ф. Вяккерера. Она исходит из гегелевского положения, что нечто относится отрицательно к себе. А это означает, что оно находится не в равном к себе состоянии — в состоянии изменения, самодвижения. Противоречие представляется как отношение-процесс: оно «есть сущность самодвижения; самодвижение есть существующее противоречие»⁸. Однако, чувствуя, что это всего лишь констатация противоречивости движения, а не ответ на вопросы «почему движение?», «почему противоречие?», последние объявляют вообще неправомерными. Ибо они «порождаются необоснованными предположениями о существовании более глубокой, чем противоречие, причины движения и развития»⁹. Как мы видели, такая «более глубокая причина» была у идеалиста Гегеля, вопрос в том, может ли она и должна ли она быть у материалиста?

Если мы хотим в рамках т. н. «диалоговой диалектики» пойти дальше по линии противоречия-источника, то мы должны прежде всего показать, как могут в объективной действительности совмещаться «приводящие в движение» противоположности. У Гегеля этой проблемы не возникало — диалектике подчинялась вневременная и внепространственная идея, а не объективная действительность и ее отражение в сознании людей. Основополагающим принципом его философии было тождество мышления и бытия, а вся действительность по сути своди-

⁶ Там же, 65—66.

⁷ См.: Философия. Основные идеи и принципы. М., 1985, 204; Диалектический и исторический материализм. М., 1985, 123; Спиркин А. Г. Основы философии. М., 1988, 241; Философский энциклопедический словарь. М., 1983, 545; и др.

⁸ Материалистическая диалектика, 1. М., 1981, 302.

⁹ Там же, 306.

лась к процессу познания. Но как перенести гегелевские операции мысли на объективную действительность? Как может нечто содержать «свое иное» — ничто? «В одном и том же месте», «в одно и то же время», «в одном и том же отношении».

Б. Ласточкин предлагает рассматривать «свое иное» как возможность, но не столько как «особое свойство несуществующего», сколько особо существующую вещь¹⁰. Таким образом «бытие в возможности» — это самостоятельная сфера реальности и существования. А раз так, то синхронность сущностных противоположностей — бытия и небытия, нечто и ничто — налицо.

Авторы коллективного фундаментального труда «Материалистическая диалектика как научная система» демонстрируют совмещение бытия и небытия на примере возникновения. Оно включает в себя как бытие, так и небытие: «раз вещь уже возникает, то ей присуще бытие. Но поскольку вещь еще только возникает, ей свойственно и небытие... Она переходит из состояния небытия в состояние бытия. В процессе исчезновения, наоборот, вещь из бытия переходит в небытие, но опять-таки бытие и небытие присутствуют одновременно»¹¹.

К приведенному можно добавить еще более простое рассуждение: поскольку небытия нет, оно может «быть» где угодно, даже в бытии того, небытием чего оно является. То, чего нет, «есть» повсюду, в том числе и в том, что есть.

Все эти конструкции могут быть диалектически безупречны. Они могут хорошо характеризовать противоречивость мира. Но они не объясняют главное — почему все же бытие переходит в небытие, что является источником движения?

Рассуждения о полюсах батарейки, о «плюсе» и «минусе» не объясняют причину возникновения тока. Он возникает не от «+» и «—», которые нарисованы на батарейке, не от полюсов, противоположностей, противоречия..., а по причине разности потенциалов, напряжения. Концепция негвесия показывает, что таким напряжением для всего мира является негвесие.

Постулат противоречия-источника опирается на некоторые высказывания классиков марксизма-ленинизма. Наиболее часто приводят места из «Диалектики природы» Энгельса и «Философских тетрадей» Ленина. Примечательно, что обе эти книги являются сборниками черновых набросков, не предназначенных авторами к опубликованию. «Диалектика природы» была издана впервые в 1925 г., а «Философские тетради» — в 1929—1930 гг., т. е. как раз к началу возникновения в СССР догматической псевдодиалектики. Между тем Маркс, Энгельс и Ленин принцип самодвижения специально вообще не рассматривали и ясную позицию относительно него не имели. Подобно тому, как их цитатами «доказывают» концепцию противоречия-источника, можно «доказать», к примеру, и концепцию *causa sui* — движение само себе причина: «мы знаем из опыта и теории, что материя и ее способ существования — движение — несотворимы и, следовательно, являются своими собственными причинами»¹². А при желании можно таким же образом «фундаментировать» и другие положения — например кантовское притяжение и отталкивание...

«Материализация» гегелевской диалектики предполагала прежде всего отказ от идеалистического абсолюта. Однако тем самым диалектика лишилась и своей связующей и движущей основы. Вместо системы получилось собрание фрагментов. «Инструмент» абсолюта — противоречие — повисло «в воздухе». Запахло мистикой. Однако из-за отсут-

¹⁰ Диалектическое противоречие. М., 1979, 183.

¹¹ Материалистическая диалектика как научная система. М., 1983, 110.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 20, 569.

ствия материалистического «заменителя» идеалистического абсолюта пришлось канонизировать само противоречие. Альтернативой представилось разве что объяснение движения через *causa sui*. Некоторые философы склонились именно к этому, ибо ценная методологическая установка противоречивости мира при превышении своих полномочий в новой, не подходящей для нее роли проявляла явную схоластическую беспомощность. Однако *causa sui* означало бы, что «самая передовая философия» вообще лишена движущей основы. Все движется потому, что движется, само по себе. Это казалось недопустимым. В глазах псевдодиалектиков 20—30-х годов диалектику надо было обязательно «совершить». А противоречие, как нечто из классовой борьбы, так хорошо вписывалось в революционные души пролетарских философов. Их не интересовало, что классовая борьба не причина, а результат, форма общественного движения. Не интересовало, что люди «боролись» не ради самой «борьбы», а ради удовлетворения своих насущных потребностей. Что людьми, обществом движет не «борьба», а потребности. Видели только то, что хотели видеть. Осталось только «подвести научную базу», отыскать примеры. Природа стонала, но поддавалась. Ведь она действительно противоречива. А это означает, что «в противоречиях» можно описать все что угодно, любое умозрение. «Примеров» находили сколько надо. Возникли даже споры — какое именно противоречие есть тот самый источник движения: бытие-небытие, изменение-сохранение... В главном же никто не сомневался: противоречие — источник всему, это «философская отмычка мира». И чем беспомощнее выглядела эта «отмычка» в вопросах движения, тем могущественнее становился культ противоречия. Сложившиеся на его основе постулаты завладели главенствующими позициями в материалистической диалектике и продолжают удерживать их по сей день.

Чтобы избавить диалектику от порочной мистики, необходимо возвратить противоречие на его исконное место и найти действительный материалистический источник движения мира — материалистический «заменитель» идеалистического абсолюта. Опираясь на первый раздел настоящей статьи, можно утверждать, что нам удалось это сделать... Негвесие — вот «материалистический абсолют», «материалистический дух» мира, его мýка, «жизненная сила»... Заключается же эта «сила» в самом бытии материи — она материальна как сама материя. Коль существует материя — она негвесна, коль негвесна — движется... Движение материи есть самодвижение, переход материи к убывающему негвесию, это способ разрядки, существования материи.

На первый взгляд, движение представляется «борьбой», «борьбой» противоположностей, «борьбой» сохранения и изменения, «борьбой» хотя бы негвесия и эквесия... Но приглядевшись, обнаруживается, что это не равноправная «борьба», а скорее одностороннее «наступление», «наступление» негвесия на эквесие. Притом не «наступление» движет «наступающим», а «наступающий наступает». «Борьба» не причина, а результат, описывающая сторона движения.

Мир противоречив. «В противоречиях» можно описать все что угодно. Но любое представление «в противоречиях» является лишь эпизодическим описанием. Оно не дает целостной картины мира. И напротив, негвесие не только объясняет самодвижение, но и связывает отдельные его акты воедино. Мир представляется целостным, направленным процессом. Негвесие как бы раскрывает «замысел» мира. Все, что происходит в нем, ведет в конечном счете к убыванию совокупного негвесия. Далее, негвесие не только связывает эпизоды движения, но и дает единое представление о движении вообще, на всех уровнях материи. В этом смысле принцип негвесия схож с принципом отражения — всеобщее проявляется через специфическое общее.

Соотношение негвесия и противоречия односторонне. Негвесие всегда противоречиво, но противоречие не всегда негвесно. То есть — негвесие порождает противоречие, но противоречие не порождает негвесия. Следовательно, противоречие не порождает и движения. Нечто может быть в некотором смысле противоречиво, но если оно не будет в том же некотором смысле негвесно, не будет в этом же некотором смысле и его движения.

Концепция негвесия рассеивает таинственность самодвижения, изгоняет мистику. Это материалистическое объяснение движения мира. А объяснение движения есть не только «объяснение движения», это и подчинение движения. Более того: «Ведь вся власть человека над природой ограничивается властью над движением» (Бэкон). Поэтому «объяснение движения» означает приобретение некоторой «власти» над природой вообще. Дает ли нам эту «власть» противоречие? Попробуйте, к примеру, сдвинуть камень, применив к нему противоречие. Или, скажем, заставить работать гидроэлектростанцию, поссорив реку со «своей иной». А для развития промышленного предприятия натравьте рабочих на администрацию, или поссорьте их между собой... Решение этих задач окажется пустяковым, если мы применим к нашим объектам принцип негвесия. Притом и противоречия становятся на свои места. Создайте для камня неравновесие, и он покатится «сам». Притом неважно, будет ли это неравновесие отрицательным (тяга) либо положительным (толчок). Промышленное же предприятие подвижно потребностями людей. Это по сути старая политика «кнута и пряника». Она стихийно использовалась и используется сплошь и рядом. Притом, конечно, ни рабочий, двигающий камни, ни директор не ведают, что применяют принцип негвесия; подобно тому, как не ведают и о том, что говорят прозой (Мольер). Хуже ли им от этого работается?... Концепция негвесия не претендует на статус свода конкретных указаний. Она, как всеобщая теория, может послужить философской основой специальных научных теорий, которые в свою очередь используются при разработке конкретных технологий и руководств, что и могут быть применены для непосредственной организации работы.

С практической точки зрения негвесию присуще еще одно немаловажное достоинство — оно поддается измерению. (Этого никак нельзя сказать о противоречии, оно либо есть, либо нет.) Температуру измеряем в градусах, электронапряжение в вольтах, нужду можно приблизительно выразить через полезности — в литрах воды, в килограммах силоса и т. п. Возможно и более точное измерение нужды — в килокалориях энергии, граммах белков, витаминов и т. д. Потребности и способности измеряются в денежном выражении...

Но сказанное не означает, что негвесие имеет только лишь количественный характер. Оно может выражаться и в виде качественных различий. Но только его количественная сторона открывает путь к применению негвесия в математическом моделировании. Появляется возможность «проигрывать» различные процессы природы и общества, прогнозировать последствия негвесий, определять направления и масштабы движений, изменений и т. п. — достигается органическая связь философского и прикладного научного.

III

Концепция негвесия по сути очень проста: все, что существует, — негвесно, потому что существует; а все, что негвесно, — движется, потому что негвесно. Она имеет как мировоззренческое, так и методологическое значение. В настоящем разделе нас будет интересовать последнее: мы попытаемся посмотреть на человека, социальную сферу как бы

через «призму» негвесия, т. е. — осуществить негвесный подход, и проследить, какую эвристическую нагрузку он может нести в раскрытии социальных феноменов.

Общая схема негвесного подхода такова: всеобщее, негвесие, обнаруживается в общем — неравновесие, нужда, потребность, способность — и соответственно применяется к особенному и конкретному на биологическом, биологическом и социальном уровнях материи. Масштабность негвесного подхода вытекает из сквозного характера теории негвесия. Движение абсолютно. Оно входит в предмет любой науки. А это означает, что теория, объясняющая движение вообще, является общей научной теорией. Негвесный подход позволяет обнаружить источник движения любого «механизма» — в широком, переносном смысле этого слова: будь то часовой, эволюционный или хозяйственный.

Негвесный подход глубоко интердисциплинарен, он сохраняет специфичность рассматриваемых явлений, подчеркивая в то же время их единство. Высшее не сводится к низшему, и то и другое исследуются лишь с единой точки зрения. По своему межнаучному характеру теория негвесия походит на общую теорию систем, кибернетику, других общенаучных направлений.

*

Бытие наделяет любую систему экзонегвесием. А это означает, что любая система способна совершить некую работу, в самом широком смысле этого слова. При этом простые системы «работают» за счет своего экзонегвесия, диссипативные же — за счет чужого. Последние имеют относительно высокий уровень экзонегвесия и способны на более значительную работу. Жесткие диссипативные системы не могут сохранять свое экзонегвесие, «проработав» то, что имеют, они либо переходят к полному экзонегвесию, т. е. канут в небытие, либо превращаются в «простые» системы и, в зависимости от структуры, претерпевают относительно медленную деградацию.

Биологические, действенно-диссипативные системы имеют гибкое эндонегвесие и более инертное экзонегвесие; они относительно мобильны. Совершаемая такой системой работа, пусть даже простое нагревание среды своим телом, и кратковременное отсутствие потока питания, не приводит к понижению ее экзонегвесия, а лишь создает эндонегвесие — нужду. Далее, все возможности системы, весь ее потенциал, экзонегвесие, используются для обнаружения источников питания, т. е. направляются на устранение актуального эндонегвесия. Притом одновременно происходит сохранение и преумножение экзонегвесия.

Наиболее абстрактный взгляд на человека позволяет и здесь обнаружить эндонегвесие — потребности человека, и экзонегвесие — его способности, в самом широком смысле этих слов. Это сущностные силы человека. Человек как преобразующе-действенная система может не только прямо потреблять иные экзонегвесия, но и приводить их в более удобную для потребления форму, т. е. организовать их. По ходу этого процесса — производства — человек переносит на продукт и свое собственное экзонегвесие, способности, чтобы затем устранить свое же эндонегвесие — потребности. Притом экзонегвесная роль человека все более подходит к «голой» организации, от организации своей собственной физической силы к организации первозданного негвесия — ядерной энергии. Одни экзонегвесия организуются с помощью других «под руководством» человека — происходит как бы их промежуточное, инструментальное потребление.

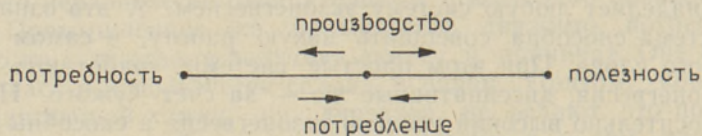
Человека связывает со средой его деятельность. Во-первых: способности человека реализуются через производительную, вернее, организационную деятельность во внешней от человека вещи, в благе, в виде

полезности. Таким образом, способности и потребности связаны противоречно не только в человеке, но и в благе. Отметим, что благо является лишь носителем полезности, подобно тому, как человек — носитель потребности. В процессе производства организуются прежде всего полезности, а не вещи, как кажется на первый взгляд. Значимость вещи определяется содержащейся в ней полезностью. Таким образом, производительная деятельность, находясь корнями в человеке, является как бы его входом в среду.

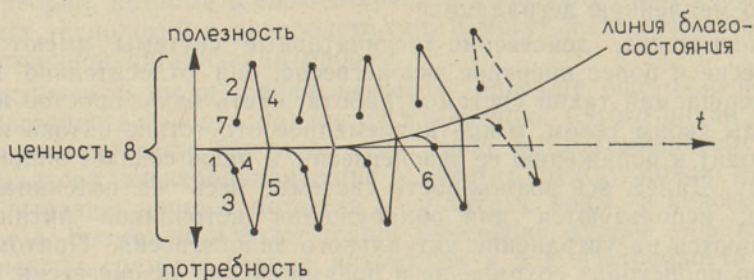
Во-вторых: в потребительной деятельности среда, в свою очередь, «входит» в человека — полезность и потребность взаимопогашаются. При этом носитель полезности может потерять свою форму полностью — яблоко; частично — шаровары; или сохранить ее почти неизменной — батарейка, книга.

Есть еще третий принципиальный вид деятельности — освобождение от использованных носителей полезностей. Он вытекает из второго и как бы входит в первый вид деятельности. В смысле охраны окружающей среды его можно представить как создание и сохранение полезности — полезной для нас среды.

Процесс производства ведет не только к созданию полезностей, но и к более интенсивному образованию потребностей. Для большей наглядности набросаем некую абстрактную схему:

Если теперь повернуть эту схему на 180° и построить ее на оси времени, то получается линия возрастающего благосостояния:

Человек, как экзонегвесие, подвергается постоянному давлению — возникает потребность (отрезок 1). В точке А человек вынужден проявлять активность и начать трудовую деятельность — организовать полезность, способную удовлетворять потребность (2). Тем самым потребность еще более углубляется (3). Это углубление представляет как бы «цену» за полезность. «Цена» и полезность взвешиваются; отношение «цены» к полезности зависит от того, насколько глубока потребность. Точка А имеет мобильный характер. В потреблении взаимоуничтожаются полезность (4) и потребность (5); делается это на уровне развития (6), т. е. в стремлении закрепить свое экзонегвесное положение превышает прежний уровень потребления — в смысле: количество → разнообразие → качество. Взаимодействие потребностей и полезностей, производства и потребления; само производство, труд, деятельность; и само потребление, потребности; связанный с ними эмоциональный механизм — все это ведет к развитию человека. Устремляется вверх линия благосостояния, все быстрее и глубже деградирует среда.

Полезность синтезирует в себе не только способности, труд человека, но и не зависящие от него компоненты (7). Они более или менее ценны, в зависимости от концентрации в них негесия, от их наличия и доступности в природе и др.

Полезность не существует сама по себе. Она всегда связана с потребностью — в природе, конечно, может быть дом, в котором не живут, но тогда это не полезность, а бесполезность. Из сказанного вытекает, что полезность носит субъективный характер. Благо аксиологически оценивается человеком, т. е. определяется его ценностью (8) для субъекта. Она зависит как от величины полезности, так и от углубленности потребности. Притом ценность конкретного блага для определенного человека может состоять не только в возможности его потребления, но и в возможности обмена этого блага на другое благо. Поэтому при оценке блага человек учитывает не только свою потребность в нем, но и общественную потребность в этом благое. Так, не имея сам потребности в каком-то благое, оно все же может представлять ценность для человека. Более того, ценность может существовать не только без потребности, но и без материально наличной полезности — в виде образа, идеально. Обычно перед трудовым актом оно так и есть.

В советской философской, а особенно в экономической литературе «полезность» вообще игнорируется, что проистекает из пережитков его когдатошнего твердолобого, вульгарно-утилитарного понимания. «Полезность» связывалась и связывается с именами Бентама и Бем-Баверка и как нечто «буржуазное» напрочь отвергается. Общую традицию нарушили разве что только ученые анохинского круга. В теории функциональных систем им пришлось заново открыть истину: саморегулирующиеся системы стремятся к полезности, это необходимое условие их существования. Человек тут не исключение — это материализм. И тут нельзя отделаться одними сентиментальными утверждениями о чем-то «более высоком». Все дело в том, что «полезность» надо понимать не узко, метафизически, а предельно широко: как все то, что удовлетворяет потребность — как «антипотребность». Она охватывает как «низкое», так и «само по себе более высокое». Если мне нравится графика М. К. Эшера, то она для меня полезность. Если мне хочется писать стихи, то их сочинение для меня полезность. Равно как и, извините за прозу, котлета — полезность для голодного. А движение и к искусству, и к котлете есть движение к полезности. Их потребление — извлечение полезности. Потребность определяет движение, полезность конкретизирует направление движения.

Отсутствие диалектической теории полезности особенно остро сказывается на политэкономических концепциях, недоразвитыми оказываются прежде всего проблемы качества. Последнее в политэкономическом смысле не что иное как мера полезности. Страдает и исследование вопросов эффективности работы: работу надо оценивать не по количеству созданных вещей — злополучный «вал», и не по затраченным усилиям — «чистая продукция», а по произведенной полезности, что может определить только потребитель. Вопросы полезности нельзя обходить при разработке проблем ценообразования — цена образуеться как функция полезности и трудовых затрат.

Полезность — это центральная категория человеческого бытия. Она определяет удовлетворение потребностей, а это наиболее актуально как для отдельного человека, так и для всего общества.

Человеческие отношения всегда складывались на почве производства, распределения, обмена и потребления полезностей. И не только «человеческие отношения». Вокруг полезностей крутятся и весь биологический мир, ибо от полезностей зависит существование любого из его элементов. По поводу полезностей складываются межвидовые, внутривидовые

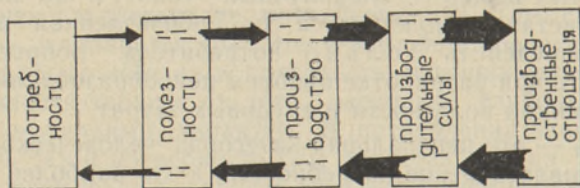
вые отношения биологических индивидов, их отношения к среде, т. е. совокупность отношений. В человеческом обществе полезность принимает форму своеобразной «экономической клеточки». Именно с этой «клеточки» должно начинаться исследование экономических систем, ибо она отражает их сущность в концентрированном виде. Это в свое время хорошо продемонстрировал Карл Маркс, начав свое исследование общества товаропроизводителей с «клеточки» этого общества — товара. Товар — это не что иное, как форма проявления всеобщей «экономической клеточки» человеческого общества — полезности — на стадии товарного производства.

*

Развитие человека есть развитие его потребностей и способностей. А это означает, что создание все более существенных полезностей одновременно и необходимо, и возможно. Притом человек способен организовывать больше полезностей, чем надо для удовлетворения изначальной потребности. Отсюда, в свою очередь, вытекают необходимость и возможность развития и самих потребностей, а они подтягивают за собой и способности. Превышение необходимого удовлетворения изначальной потребности, прежде всего по качеству, ибо количество предельно, сопровождается положительными эмоциями. Таким образом, к развитию подключается и эмоциональный механизм. Происходит взаимостимуляция: потребность → полезность → потребность → ..., что представляется противоречием «потребность-полезность». Оно проявляется как противоречие их носителей — человека и блага.

Развитие потребностей отражается на развитии полезностей — вглубь: количество → разнообразие → качество; и вширь: обнаружение новых полезностей. Потребности в полезностях порождают производство и развивают его, т. е. возникает потребность в производстве. Она представляется нам противоречием «полезность-производство». Производство же не что иное, как функционирующие производительные силы. Потребность в развитии производства перерождается в потребность развивать, совершенствовать производительные силы. Противоречие: «производство-производительные силы».

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями...»¹³ Дальнейшему росту производительных сил, а следовательно, и потребностей препятствуют устаревшие производственные отношения. Появляется потребность в их замене. Мы имеем дело с противоречием «производительные силы — производственные отношения». Происходят социальные революции, смены общественно-экономических формаций. Разворачивается исторический процесс — на основе потребностей и через противоречия:

На схеме изображены основные противоречия развивающегося общества. Они имеют характер «содержание-форма». Причем во всех комбинациях «содержание» будет слева, а «форма» — справа. Таким

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 13, 7.

образом, одно и то же звено, кроме первого и последнего, может оказаться и «содержанием», и «формой».

Когда «форма» становится тесной для содержания, возникают кризисы. Они порождают сильное эндонегвесие, потребность. Созревает почва для скачка, резкого самоорганизующегося перехода на качественно более высокий уровень экзонегвесия, способностей. Кризисы необходимо понимать широко — это и тотальная революционная ситуация, и локальное экономико-социальное обострение. В условиях сильного эндонегвесия мощно усиливаются флуктуации, которые в обычной обстановке просто затухали бы. Под флуктуациями понимаются революционные выступления, но и передовые идеи, предложения, открытия, планы модернизации... Через них и происходит переход общества на качественно более высокий уровень организации. Порядок из хаоса!

Выше мы описали «классическую» схему возникновения необходимого для скачкообразной самоорганизации сильного эндонегвесия. Но оно может возникнуть и «неклассическим» образом — хотя бы вследствие резкого похолодания. В этом смысле определенную положительную роль в историческом процессе смогли сыграть и ледниковые периоды, катастрофы и бедствия вообще!

Получается, что кризисы вообще, независимо от причины их возникновения, необходимы для общественного развития. Они подводят эндонегвесие к пределу, порождают сильное эндонегвесие, что через флуктуации и на основе экзонегвесия и порождает новый порядок.

Здесь кроется и ответ на вопрос, почему наша схема исторического процесса срабатывала не всегда. Почему в лесах Амазонки и Южной Индии до сих пор живут первобытные племена. Во-первых, возможно, что в относительно благоприятных условиях эндонегвесие — потребность — просто не достигло предела, необходимого для скачкообразной самоорганизации. А, во-вторых, возможно, что отсутствовали необходимые флуктуации, которые всегда возникают случайно, но которые должны входить в необходимую «цепь прогресса». Скажем, не был изобретен топор, колесо или т. п., или не было «революционного вождя с революционными идеями»... «Цепь прогресса» оказалась без необходимого звена и оборвалась...

В свете сказанного по-иному представляется роль случая, наконец, роль личности в истории. Вырисовывается функция отбора — происходит естественный отбор флуктуаций по критерию экзонегвесия — наибольшего повышения способностей. И это не социальный дарвинизм.

В итоге мы получаем некую общую схему самоорганизации: ... перерастание экзонегвесия эндонегвесием → кризис (напомним, что его причины могут быть и «неклассическими») → сильное эндонегвесие → учащение и усиление флуктуаций → естественный отбор флуктуаций по критерию максимума экзонегвесия → скачок экзонегвесия через отобранную флуктуацию → более полное удовлетворение эндонегвесия → ...

Эта схема верна, видимо, не только при раскрытии глобального общественного становления, но и при описании различных отдельных общественных феноменов. Скажем — развитие науки... Притом на нее можно посмотреть и с другой стороны. Чтобы какая-нибудь научная идея, как флуктуация, «пробилась», необходима «созревшая почва» — сильное эндонегвесие. К примеру: Л. фон Бергман выдвинул идею системности впервые в 1937 г. — безрезультатно! Та же идея, вторично предложенная «в условиях сильного эндонегвесия» в 1949 г., тут же нашла всеобщее признание.

С соответствующей конкретизацией эта схема, наверное, подходит и для биологического мира. И не только для самопроизвольных эволюционных процессов. Известны лечебные методы, где искусственно созданным кризисом добиваются лечебного эффекта — голодание, спортивные

нагрузки... Своеобразное возникновение порядка из хаоса, фазовые переходы наблюдаются и в неживом мире — это образование диссипативных структур.

Во всех случаях главным условием возникновения скачка является в меру сильное эндонегвесие. Если мера не достигнута, «фазового перехода» не последует, если мера превышена — негвесие просто уничтожает систему. Излишне долго голодающий человек умирает, а слишком сильное оледенение уничтожает общество. Что же касается «классической» схемы социального становления — то она дает по большей части в меру сильное негвесие.

*

Условием существования социальных институтов является доступная и богатая иными экзонегвесиями среда. Однако развитие любой общественной единицы определяется прежде всего ее внутренним: прогрессивную самоорганизацию делает возможным экзонегвесие — способность в самом широком смысле; и необходимым — потребность. Кажется, будто обеспечение функционирования социальных институтов есть прежде всего обеспечение их способностей и потребностей. Однако при определенной свободе по сути необходима только потребность — она сама находит и развивает способность. А если заглянуть еще глубже, то и потребности не надо специально «обеспечивать» — они возникают спонтанно. Социальное движение — это воистину самодвижение, саморегуляция, саморазвитие... Единственное, что требуется, — это возможно благоприятная среда. Только на ее обеспечение и должны направляться усилия государственного управления «свыше».

Это трудно понять некоторым «высокопоставленным» администраторам-кавалеристам, которые не сомневаются, что достигнутые подчиненными им предприятиями успехи — прямой результат их мудрого руководства «свыше». В большинстве же случаев результаты эти получены не благодаря, а вопреки вмешательству извне. Даже самые благие указания «свыше» чаще всего только мешают процессам самоорганизации. Самое лучшее, что могут сделать органы государственного управления, — это обеспечить необходимую среду, максимальную свободу действий. Только свобода открывает простор истинному развитию через самоорганизацию. Вот почему демократизация является важнейшим условием развития общества. Управление должно быть незаметным, вернее, даже не управление, а направление самоорганизации: не организация непосредственно общества, а организация самоорганизации!

Определяющей стратегией управления должно стать обеспечение благоприятной среды, максимальной свободы деятельности, условий развертывания самоорганизации социальных институтов. Из тактических соображений допустимо кратковременное «иглотерапевтическое» воздействие на потребности, ибо потребности сами находят и развивают способности — в этом по сути и состоит развитие. И только в исключительных случаях можно допустить прямое регулирование способностей (обеспечение «свыше» ресурсами, сбытом, оборудованием, финансами и т. п.), помня при этом, что это собственно лишает предприятие феномена саморазвития и ведет к потере самостоятельной жизнеспособности.

*

На социальном уровне концепция негвесия по сути конкретизируется в теории потребностей-способностей. Среди прочего эта теория показывает и пути возможной экспансии синергетики в социальную сферу.

Синергетика родилась на аналогиях — ее «отцом» является западно-германский физик-теоретик Г. Хакен. Свою основную задачу синергетика видит в обнаружении и математическом описании процессов самоорганизации. Наилучшим образом это пока что удается на добиологическом уровне.

Изучением процессов самоорганизации, хотя и не прибегая к термину «синергетика», занимается и брюссельская школа неравновесной термодинамики во главе с И. Пригожиным. Однако она подходит к самоорганизации с другой стороны — через термодинамический анализ. Острые исследований здесь направлено на объяснение возникновения упорядоченности.

Ясно, что самоорганизация в социальном мире более очевидна, чем в добиологическом. Однако для объяснения общественных феноменов одной термодинамики явно маловато. Концепция негвесия указывает, что аналогом неравновесной термодинамики в социальной сфере могла бы быть теория потребностей-способностей. Описательная синергетика, конечно, могла бы найти в обществе некоторые поверхностные, статистические аналоги и без ее помощи. Однако если мы хотим подключить к исследованию и объяснительную сторону, если мы хотим синтезировать хакенское описание и пригожинское объяснение в единой теории самоорганизации и раскрыть с ее помощью глубинные сущности социального, то нам необходимо учитывать и специфику этой сферы, найти вход в нее. Таким «входом» и могла бы быть теория потребностей-способностей, включающая в себя и разработку полезностей.

Проблемой, однако, остается количественное измерение потребностей. Но она уже решена в экономических науках. Большинство потребностей описывается в денежном выражении через их противоположности — полезности. В деньгах можно выразить и способности — это «цена» человека как рабочей силы. Таким образом, абстрактная теория потребностей-способностей могла бы конкретизироваться в экономических разработках проблем спроса и предложения — как потребительских товаров, так и рабочей силы как товара. Эти феномены количественно измеримы и, следовательно, могут поддаваться синергетическому описанию и объяснению.

*

Материалистическое понимание общественных явлений предполагает особую разработку части теории потребностей-способностей — потребностного подхода. Этим подходом, при раскрытии возникновения государства, разделения труда, других социальных феноменов, в свое время воспользовался еще Демокрит. И глубоко характерно, что подход этот зарождался вместе с материализмом — это материалистический подход. Он предполагает находить источник социального движения и с его помощью объяснять «механизм» различных явлений: будь то классовая борьба, рыбалка или алкоголизм. Или возьмем «хозяйственный механизм» — это не что иное, как механизм потребностей. Человеческих потребностей. Он не есть нечто надчеловеческое, функционирующее само по себе и само для себя, как это представляется многим государственным чиновникам. Смысл его в удовлетворении потребностей человека — это механизм насквозь человеческий, он для человека, а не наоборот. Любое решение, направленное на улучшение хозяйствования и претендующее на удачу, непременно должно это учитывать.

Потребностный подход может стать основой науки управления и воспитания, он применим при объяснении развития языка — возникновения и забвения слов. С помощью потребностного подхода можно обнаружить закономерности человеческого поведения в различных ситуациях,

это и подспорье психологии, литературе, искусству: человеческие отношения абстрагируются к простым правилам — разноименные (потребности и полезности) притягиваются и конкурируются, а нули нейтральны. Если у людей нет ни потребностей, ни полезностей, то они равнодушны. Это, конечно, глубокая абстракция, и поэтому чрезвычайно бедна. Но она является рациональной осью человеческих взаимоотношений, только здесь можно обнаружить закономерности, которые, конечно, в повседневной жизни обрастают разнообразием конкретностей. Внося подобные абстракции, мы как бы поднимаемся вверх и можем больше охватить взглядом. Сложное и недоступное становится простым и ясным. Это поможет преодолеть склонность к мистике, фатализму, вытекающим из ощущения закономерного и неспособности его объяснения на эмпирическом уровне.

Представил Я. Ребане

*Институт философии, социологии и права
Академии наук Эстонии*

Поступила в редакцию
24/I 1990

Meelik KATTAGO

TASATUSKONTSEPTSIOON JA SELLE VÕIMALIK KASUTAMINE SOTSIAALUURIMUSTES

Üks dialektilise meetodi põhikoostisosi on vastuolu printsiip. Arvatakse, et see avab maailma liikumise allika. Vastuolu-allikas põhineb traditsioonilisel maailmamõistmisel, mille järgi maailm asetseb justkui «horisontaalsel tasapinnal». «Horisontaalsus» nõuab aga ilmset liikumapanevat jõudu. Viimane võib asetseda maailmast väljaspool kui teatud väline agent (esmailigutaja, jumalus vms.) või siis maailmas eneses (aatomid, monaadid, tahe, antud juhul vastuolu).

Tasatuskontseptsiooni olemus on traditsioonilisest maailmamõistmisest lahtiütlemine. «Horisontaalne tasapind» asendatakse «kaldpinnaga». Maailm justkui «libiseks» oma enese «raskuse» mõjul mööda seda pinda alla. Selline arusaam laieneb igale miskile, sest iga miski on maailm. Kui heita kõrvale need «tasapinnad» — mõistmise abilised, saame «ise-endalt-ise-mahalibiseva» maailma. Selle «raskus», igasuguse miski «raskus» on selle olemises, olemine on mitteolemise suhtes potentsiaal — tasatus.

Tasatus ei ole järjekordne liikumise allikas, vaid on teistsugune maailmamõistmine, mis ei vajagi liikumise allikat. See on maailma iseliikumise seletus.

Olemine on asümmeetriline, see eeldab väljaulatumist, eraldumist, eristumist... Miski olemine on «kühm» potentsiaalitu mitteolemise foonil, see on potentsiaal. Olemine sisaldab endas pinget, ebamugavust, piina — see tähendab tasatust; ja koos sellega ka tungi vabaneda sellest ebamugavusest, piinast. Ainuke tee vabanemisele on liikumises. Liikumine on «pääsemine».

Miski ei saa olemas olla, olemata tasatu, aga tasatu ei saa mitte liikuda.

Tasatus põhineb olemise asümmeetrilisusel. See on tasakaalustamatus üldse, see on väljaulatumine, kõrvalekaldumine, erinevus, vahe... See on pinge, laetus, kannatus, tung, mateeria piin — tema atribuut, fundamentaalne omadus. See on eksisteerimine ise, olemine. See on maailma aktiivsus. See on igasuguse liikumise, ümberpaiknemise, muutmise... olemus.

Tasatus ilmneb kui potentsiaal; kui mehaaniline, füüsikaline, keemiline... tasakaalustamatus; kui temperatuuride ja rõhkude vahe; kui elektriline, magnetiline, gravitatsiooniline pinget; kui bioloogiline, füsioloogiline, psüühiline tasakaalustamatus — tarve; kui võime, inimese ja ühiskonna vajadus.

Tasatus pole taandatav tema erivormide avaldumisele, see on nende üldistus, tasatus üldse.

Sarnaselt sellega, kuidas liikumine ei ole mõistetav ilma suhtelise rahuta ja muutumine ilma säilimiseta, ei saa tasakaalustamatust mõista ilma tasakaaluta ja tasatust ilma selle vastandita — tasavusetä. Kui tasatuslikust küljest näib maailm asümmeetriline, pingestatud, piinlev, mittepüsiv, maailm kui potentsiaal, protsess, liikumine, siis tasavuse poolt on ta rahu ja püsivus.

Tasatuskontseptsiooni vaatenurgast klassifitseeruvad maailmas esinevad süsteemid «lihtsateks», jäik-dissipatiivseteks, tegev-dissipatiivseteks ja ümberkujundav-tegev-dissipatiivseteks.

Joonistub välja tasatuskontseptsiooni põhiterminoloogia: *tasatus* — igasuguse liikumise allikas; *tugev tasatus* — iseorganiseerumise ja arengu allikas; *välistasavus* — süsteemi mitteolemine, igasuguste muutuste piir; *välistasatus* — süsteemi olemine, potentsiaal, võime; *sisetasavus* — süsteemi sisemine struktuurne tasakaal, süsteemi säilimine, püsivus, vastupanu degradatsioonile; *sisetasatus* — kõrvalekaldumine sisetasavusest välistasatuse säilimisel, tekib tegevssüsteemidel kui bioloogiline tasakaalustamatus, tarve, inimel — vajadus.

Tasatuskontseptsioonil on nii maailmavaateline kui ka metodoloogiline tähendus. Seda võib vaadelda kui dialektika uut paradigmat: tasatus võib saada Hegeli idealistliku absoluudi materialistlikuks asendajaks. Selle alusel on võimalik üles ehitada materialistliku dialektika süsteem, vabastades dialektika talle senini omasest fragmentaarsusest ja müstilisusest.

Metodoloogilisest küljest annab tasatuskontseptsioon meile *tasatuskäsitluse*. Käesolevas artiklis on tasatuskäsitlusele püütud rakendada eelkõige sotsiaalsele sfäärile. Selle üldskeem on järgmine: üldine (tasatus) leitakse üldises (tasakaalutus, tarve, vajadus, võime) ja vastavalt rakendatakse erilisele ja konkreetsele eelbioloogilisel, bioloogilisel ja sotsiaalsel materjalil. Tasatuskäsitluse mastaapsus tuleneb tasatuskontseptsiooni läbivast iseloomust. Liikumine on absoluutne, ta kuulub iga teaduse ainesse. See tähendab aga, et teooria, mis seletab liikumist üldse, on üldteaduslik teooria.

Tasatuskäsitlus on sügavalt interdistsiplinaarne, ta säilitab vaadeldavate nähtuste spetsiifika, rõhutades seejuures aga nende ühtsust. Kõrgem ei taandu madalamale, nii esimest kui teist vaid uuritakse ühisest vaatenurgast. Oma üldteadusliku iseloomu tõttu sarnaneb tasatuskäsitlus üldise süsteemiteooria, küberneetika ja teiste üldteaduslike suundadega.

Eriti huvitavaks võib ilmselt pidada ajalooptsessi vaatlemist läbi «tasatuse prisma». Seesugune lähenemine annab võimaluse välja tuua mõned abstraktset ühiskonna arengu skeemid ja näidata kriiside ning juhuslike fluktuatsioonide tähtsust ajalooptsessis.

Juhtimisprobleemide vaatlus kontsentreerub nõudes minna üle ühiskonna protsesside vahetult organiseerimiselt iseorganiseerumise organiseerimisele.

Tasatuskäsitlus võimaldab näidata sünergeetika võimalikke ekspansiooniteid sotsiaalsesse sfääri vajaduste-võimete teooria kaudu.

Uue impulsi saab kõige erinevamate ühiskonnanahtuste seletamine, majandusprotsesside avamine, inimese kujutamine jm.

*Eesti Teaduste Akadeemia
Filosoofia, Sotsioloogia ja Õiguse Instituut*

Toimetusse saabunud
24. I 1990

Meelik KATTAGO

NEGVECY CONCEPTION AND ITS POSSIBLE APPLICATIONS IN SOCIAL RESEARCH

One of the most important components of the dialectical method is the principle of contradiction. This principle is supposed to open the source of the motion of the world. *Contradiction-source* is founded on the traditional world understanding, according to which the world is situated as if on a "horizontal plane". But "horizontality" needs an evident motive force. It may be located either outside the world as an external agent — primary motive power, deity, etc., or inside it — atoms, monads, will; and, in this case — contradiction.

The essence of the negvecy conception consists in renouncing the traditional world understanding. The "horizontal plane" is replaced by an "inclined one". The world as if "slips down" by itself, because of its own "heaviness". Such an understanding spreads to every something because every something is the world.

If we now give up these "planes" as assistants to understanding, we shall obtain a certain "slipping-down-from-itself-world", or "self-slipping-down" world. The "heaviness" of the world, of every something, is in its being, this is a potential with regard to unbeing — negvecy.

Negvecy is not a new motion source, it is a different world understanding which does not need any motion sources. It is an explanation of the world's self motion.

Being is asymmetrical. Existence supposes apportionment, distinction ... Existing something is a "knob" standing out against a background of unpotential unbeing, it is a potential. Being contains tension, uncomfört, torture — that is negvecy; and with it also an aspiration to throw off this uncomfört, to get free from that torture. The only way to freedom is in motion. Motion is "salvation".

Nothing can exist without being negveceal, but the negveceal cannot not move.

Negvecy is founded on the fundamental asymmetry of being. It is unequilibrium in general. It is deviation, deflection, divergence, difference... It is tension, strain, stress, chargeness, loadness, suffering, aspiration, striving, yearning, urge, torment, torture of the matter — its attribute, fundamental property. It is existence itself, being. It is the activity of the world. It is the root of every motion, transference, displacement, change, transformation, conversion...

Negvecy becomes apparent as a potential; as a mechanical, physical, chemical... unequilibrium; as a difference of temperatures and pressures; as an electrical, magnetical, gravitational tension; as a biological, physiological, psychological unequilibrium — a want; as an ability, a need of man and society.

We cannot reduce negvecy to different forms of its display, it is their generalization, negvecy in general.

Just as motion is not understandable without relative peace, and change without conservation, unequilibrium is not comprehended without equilibrium, and negvecy without its opposite — ecvecy. If from the aspect of negvecy the world seems asymmetrical, strained, tense, poignant, inconstant, changeable... the world as a potential, process, motion... then from the aspect of ecvecy it is peace and constancy.

From the point of view of the conception of negvecy the systems of the world can be classified into "simple", rigid-dissipative, acting-dissipative, and transforming-acting-dissipative ones. The main terminology of the conception of negvecy becomes visible: *negvecy* — the source of every motion; *intense negvecy* — the source of selforganization and development; *exoecvecy* — unbeing of a system, the limit of every transformation, change; *exonegvecy* — being of a system, potential, ability; *endoecvecy* — the internal structural equilibrium of a system, conservation of a system, its steadiness, resistance to degradation; *endonegvecy* — a declination from endoecvecy with exonegvecy conservation: it arises as a biological unequilibrium, a want; in case of man — as a need.

The negvecy conception has both a world-outlook and a methodological meaning. It can be observed as a new paradigm of dialectics: negvecy can become a materialist substitute of Hegel's idealist absolute. On this basis it is possible to build up a system of materialist dialectics and to free dialectics from fragmentariness and mysticism.

From the methodological point of view the negvecy conception gives us a negvecy approach. In this article, taking into consideration the character of the journal, it is attempted to apply the negvecy approach first of all to the social sphere. The general scheme of it is: an all-general, negvecy, is found in a general — unequilibrium, want, need, ability, and accordingly applied to a particular and a concrete on the before-biological, biological and social levels of the matter. The large-scaleness of the negvecy conception results from its through character. Motion is absolute. It belongs to a subject of every science. But it means that the theory which explains motion in general is a theory concerning all sciences.

The negvecy approach is a deeply interdisciplinary one, it retains the specific character of the researched phenomenons, emphasizing at the same time their unity. A superior is not reduced to an inferior, both the former and the latter are only researched from the common point of view. Because of its all-science character the negvecy conception shows a likeness with the general theory of systems, cybernetics and other all-scientific directions.

It may be considered that it is especially interesting to look at the historical process in the light of negvecy. This approach gives us an opportunity to build some abstract schemes of social development and to show the great role of crises and chance fluctuations in the historical process.

Consideration of management problems concentrates on the demand to pass from immediate society organizing to selforganization organizing.

The negvecy approach shows us possible ways of synergetics expansion to the social sphere through the theory of abilities-needs.

A new impulse is given to the explanation of various social phenomenons, opening of economic processes, image of man, etc.

*Estonian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy, Sociology and Law*

Received
Jan. 24, 1990